

Общие проблемы политической концептологии

КОРРОЗИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ФАКТОРЫ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ¹

А.В. Оболонский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: *Статья посвящена классификации негативных явлений в современных общественных науках – их причинам, проявлениям и последствиям. Их общей мета-причиной представляется эскалация бюрократических методов управления наукой. Рассматриваются две группы факторов такого рода – социальные и морально-психологические и факторы методологические. К числу первых относятся: отсутствие заинтересованности у бизнеса и власти в поддержке фундаментальной науки; разного рода зависимость исследователей и конформизм как ее следствие; феномен «ученых приказчиков» и его губительные для науки последствия; самообман ценностной нейтральности исследователя. К числу методологических факторов относятся: подмена содержательных критериев оценки научной значимости работ формальными показателями; избыточные требования к стандартизации научных текстов; условие обязательности эмпирического доказательства каждого научного утверждения, отказывающее в «научности» рассуждениям и оценкам обще-концептуального характера и сужающее границы научного поиска; завышенные ожидания, связанные с перспективами развития «искусственного интеллекта» и цифровизацией; стремление к формальному наукообразию в ущерб содержательности, что ведет к редуционистскому, ограниченному, интеллектуально обедненному пониманию науки и отсекает логический анализ и «абстрактные» рассуждения, которые чаще всего и дают самое важное приращение знания и выводят нас на более высокий уровень понимания социальных процессов. Автор выражает надежду, что привлечение внимания ученых к систематизированным в статье деформациям социальных наук способно сыграть положительную роль.*

Ключевые слова: *социальные науки, методология, мораль, психология, деформации, ценности, позиция исследователя.*

¹ Преобладающую часть данного текста составляет статья автора, опубликованная в № 1 журнала «Общественные науки и современность» за 2022 год. Однако в силу общего характера поднимаемых в ней проблем и их важности для учёных, работающих в самых разных областях научного знания, в разных российских регионах и учреждениях, представляется важным предложить его и читателям журнала «Политическая концептология».

Статья посвящена классификации негативных явлений в современных общественных науках – их причинам, проявлениям и последствиям. Обратиться к этой теме автора заставило чувство беспокойства, связанное с довольно серьезными системными деформациями, происходящими в современных социальных науках, и их негативными последствиями для процессов формирования научного знания и внедрения полученных научных результатов в практику. А поскольку оно разделяется многими коллегами исследователями, то важность и актуальность обсуждения данных вопросов представляется достаточно очевидной.

И это не только российская проблема. Девальвация, падение авторитета социальных наук – явление, широко распространившееся по миру за последние годы. Ожидания и надежды, связанные с научным анализом социальных явлений и основанными на нем рекомендациями и прогнозами, по меньшей мере, заметно понизились. И, увы, не без оснований. Рационалистический концепт поступательного движения человечества ко всеобщему благополучию на основе научного прогресса, к сожалению, не слишком подтверждается, по крайней мере, в социальной и гуманитарной сферах. Более того, возникают новые проблемы, не предвиденные адептами решения общественных неурядиц сугубо технократическими средствами, которые зачастую их только усугубляют. Впрочем, здесь я намеренно избегаю соблазна давать конкретные примеры в непосредственно рассматриваемой сфере – наших общественных науках – дабы никого специально не выделять, не «указывать пальцем», поскольку ситуация носит достаточно общий характер. А нижеследующий текст, в основном, посвящен одному, но весьма важному, ее аспекту – *негативным последствиям технократического редуционизма и социального конформизма* в общественных науках, а также *последствиям, связанным с понизившимся статусом ученого* и его субъективным восприятием как в самом научном сообществе, так и за его пределами.

Серьезнейшие деформации, имеющие место на уровне политической бюрократии, в науке рассматриваются, в частности, в терминах провалов государства [См., например: Рубинштейн, Городецкий 2018], описывающих ситуацию как «дрейфующее в сторону абсолютизации патерналистское государство с самовозрастающей бюрократией». В целом я разделяю точку зрения авторов. Замечу лишь, что, как мне кажется, понятие патерналистского государства используется ими несколько излишне широко и поэтому выглядит не всегда адекватно. Как известно, в политической науке существуют различные типологии государств, и патернализм – лишь один из типов. Не углубляясь в проблемы классификации государств, отмечу лишь, что **патернализм** по самому смыслу слова предполагает не просто диктатуру верхов, но также ту или иную форму их *заботливости* об интересах общества. Да, она ограничивает или даже подменяет общественный выбор, о не пренебрегает им в целевом плане. Иными словами, патернализм имплицитно содержит *идею «общего блага»*. Порой в формах неадекватных, уродливых, вплоть до безумных, но тем не менее существующих. Иначе лидер государства не патер, а государство не патерналистское. Страшно сказать, но Адольф Шикльгрубер в некоем смысле – тоже был патером. Как ни прискорбно, но нельзя закрывать глаза, что он пришел к власти не в результате переворота, а в определенном смысле на основе общественного выбора, сделанного деморализованной после военного поражения и его долговременным «эхом» значительной частью тогдашнего немецкого общества. Так что в терминах провалов, думается, более уместно говорить о провале не государства, а общества. Если же обратиться к временам классического абсолютизма, к 18 веку, то там тоже были как «патеры», так и совсем не «патеры». С кажем, Людовик 14, вопреки его знаменитому мему «государство – это я», думается, отнюдь не заслуживает звания патера, особенно, во второй половине своего царствования. Ведь значимое общество составлял для него лишь широкий двор с его интересами и интригами и самая верхушка аристократии, да и то лишь в весьма ограниченном плане. Прочий народ же был для него лишь ресурсом. И, как извест-

но, это самым драматическим образом аукнулось Франции, да и не ей одной, 70 лет спустя. А вот прусский Фридрих Второй, при всех его недостатках, был по отношению к своим подданным патером со своими представлениями об общественном благе. Можно найти немало и других примеров, в том числе патеров неудачным, с неадекватным для своей страны и времени его пониманием. Словом, далеко не всякого авторитарного лидера или диктатора уместно называть патером. В научном арсенале есть для этого и другие слова. Например, в английском есть термин *Predatory state* (хищническое государство), обычно применяемое к африканским диктаторским режимам. А основную тему данной статьи представляется существенным предварим еще одним важным общим рассуждением.

Иррациональная бюрократизация как базовая причина

Итак, мы в данном случае рассмотрим проблему не на политическом, на более низком этаже, на уровне исполнительной власти. На нем общей «мета причиной», порождающей комплекс связанных с этим проблем, мне представляется **избыточная бюрократизация и формализация управления наукой**. Распространенные морально-психологические патологии чиновничьего сознания и дисфункции, возникающие вследствие бюрократической экспансии в государственном управлении, я подробно описал в журнале «Общественные науки и современность» [Оболонский 2019]. Стремящихся к максимизации своей роли и влияния бюрократ – отнюдь не только российская беда. О пороках и угрозах, связанных с бюрократизацией общественной жизни, за последние полвека написаны десятки, если не сотни книг и статей. Многие в той или иной форме предупреждают, что всевластие чиновной бюрократии, её стремление контролировать всё и вся посредством бесчисленных циркуляров и мелочного администрирования, ограничение возможностей создания и функционирования независимых от государства, самоуправляемых институтов, контроль над всеми материальными ресурсами, делают и саму бюрократию не активным актором государственной и политической жизни, а безвольным балластом, угрожающим потопить весь корабль. И угроза эта была замечена отнюдь не вчера, а уже достаточно давно. Например, в США из алармистской «классики» на эти темы можно напомнить о работах Винсента Острома [Ostrom 1973], Роберта Мертона, Питера Блау; во Франции – Мишеля Крозье [Crosier 1964] и т. д. В предельной форме этот парадокс выражает ставшая популярной к концу XX века идеологема «пост-бюрократического общества», которой я, признаться, тоже в свое время отдал дань и в принципе от нее, как от возможной альтернативы в общих рамках либертарной концепции государства, не отказываюсь и поныне [Оболонский 2002]. Есть немало и более поздних, а также современных работ. Однако их обзор, как и общие вопросы данной проблематики, выходят за пределы темы статьи. Об американском опыте и попытках решения проблемы [см., например: Оболонский 2014].

Представляется, однако, что вопрос не столь однозначен, а скорее амбивалентен. Ведь любое современное государство трудно представить без повседневной работы многоуровневой машины бюрократического управления. Но при этом ни один общественный институт – как в нашей стране, так и за рубежом – не подвергается столь постоянной, ожесточенной и часто вполне справедливой критике, как эта самая бюрократия. В ней видят один из худших пороков цивилизации, едва ли не главную угрозу человеческой свободе и общественному прогрессу.

Вообще же отрицание полезности бюрократии на ценностном уровне имеет давнюю историю и идет, как минимум, еще от раннего Карла Маркса [подробнее об этом см., например: Макаренко 1985]. В той же парадигме находятся анархистские и отчасти либертарные концепции общественного устройства. Достаточно жестко выглядит баланс положительного и отрицательного в государственной бюрократии и в рамках классической либеральной пара-

дигмы. Немного перефразируя одного из основоположников политического либерализма Вильгельма фон Гумбольдта – бюрократия в лучшем случае зло неизбежное, в худшем же зло нестерпимое. Но все же мало кто из серьезных аналитиков в области государственной власти и управления возьмет на себя смелость в принципе отрицать необходимость бюрократии как таковой для нормального функционирования современного общества². А для настоящей статьи представлялось достаточным обозначить ее этот общий контекст, напомнить о базовой дилемме проблематики и ограничиться утверждением, что угрозу для полноценного существования науки представляет не столько сама бюрократия как институт, сколько ее происходящая непомерная эскалация, экспансия во все сферы общественной жизни. Теперь же перейдем к нашей главной теме.

Главная задача статьи – предложить классификацию системных дефектов (если не сказать пороков) современных социальных наук и обрисовать основные порождаемые ими проблемы. Дефекты эти в той или иной мере присущи большинству таких наук. И негативные последствия также имеют общий характер.

С определенной долей условности подразделим рассматриваемые негативные факторы на две группы – во-первых, факторы социальные и морально-психологические³ и, во-вторых, факторы методологические. И сразу оговорю, что нижеприведенную их классификацию я не считаю единственно возможной, а предлагаю лишь как один из вариантов их рассмотрения.

Факторы социальные и морально-психологические

Отсутствие у бизнеса и власти прагматического интереса к поддержке фундаментальной науки. Как известно, фундаментальные знания слабо окупаются в материальном смысле. Во всяком случае, в краткосрочной перспективе. Бизнес же, особенно в наших условиях повышенной неопределенности и рисков, как правило, заинтересован в быстрой отдаче от инвестиций. Более того, если он и решается вложиться в науку, то лишь в те работы, которые обещают быстрый возврат средств, а также не связаны с риском неудачи, что обычно не характерно для фундаментальной науки с ее высокой неопределенностью, а то – и непредсказуемостью результатов. Это, как правило, работы сугубо прикладные или даже технологические доработки уже полученного научного результата. Причем в данном случае сходная ситуация характерна и для наук естественных. Словом, выражаясь экономическим языком, ***вложения в фундаментальную науку плохо капитализируются.***

Властные структуры тоже не особо заинтересованы в поддержке фундаментальных исследований, которые по самой своей сути и мало предсказуемы, и могут привлечь внимание к так называемым «неудобным» вопросам. А политикам и чиновникам такие «неудобные» результаты проще либо не заметить, либо стигматизировать как происки «иностранных агентов», либо успокоить себя альтернативными результатами, которые послушно обеспечат аффилированные с ними исследователи.

Эффект ангажированности, зависимости исследователя – либо организационной, либо морально-психологической, а часто и той и другой – от своих руководителей, от властей, от чиновных заказчиков исследований, просто от официальной точки зрения, от собственной связанности с определенной научной школой или традицией, даже от неформальных отношений и т. д. На этой почве возникает внутренняя коллизия, своего рода конфликт интересов между, с одной стороны – поиском научной истины или, проще говоря, стремлением к получению объективного результата, а с другой – с личной выгодой, групповой лояльностью, персональными моральными обязательствами... При этом прямая материальная

² Многостороннее рассмотрение широкого круга связанных с этим вопросов см., например: Государственная служба... 2009.

³ В данном случае я счел целесообразным рассматривать их в качестве единого блока.

зависимость или служебная ангажированность – случай наиболее простой и понятный. Сам феномен гораздо сложнее и многогранней. Но в любом случае это выглядит как **парадокс: исследователь, т. е. субъект исследования, зависит от своего объекта исследования.** Ситуация для науки уникальная. Для понимания ее смысла и последствий попробуйте мысленно приложить ее хотя бы к любому исследованию в области живой природы. И простите за вольность, но вспомнилось лукоморье и «кот ученый [который] все ходит по цепи кругом» вокруг дуба.

Зависимость морально-психологическая – вещь тонкая и порой самим человеком даже не вполне осознаваемая. Для ее субъективной внутренней легитимации существуют механизмы психологической защиты – рационализация, сублимация, вытеснение из сознания и т. д. Однако ущерб поиску истины от этого не становится меньше. Чувство свободы, независимости как внешней, так и внутренней – необходимое условие полноценного научного творчества. Не случайно даже само слово профессор происходит от латинского *profiteri*, что означает – свободно исповедовать свои убеждения. К сожалению, реальная ситуация во многом благоприятствует распространению и процветанию другого типа научных работников, для которых пафос поиска истины и потребность свободы находятся на шкале ценностей явно ниже соображений конформности, доходящей в некоторых случаях до прямой угодливости по отношению к держателям и распределителям разного рода ресурсов. Мне даже кажется, что зависимый человек объективно **не может полноценно выполнять роль эксперта по отношению к объекту**, с которым он связан теми или иными узами. Думаю, это можно видеть на нелегком положении экспертов, призванных осуществлять экспертные функции для правительственных структур.

Ко всему прочему, это благоприятствует и распространению в научных кругах принципа «самоограничения компетентности», т. е. недостатку общенаучного интеллектуального «любопытства», к потребности заглянуть за пределы своей непосредственной темы, того, что прямо связано с конкретными исследованиями человека. На мой взгляд, это к тому же отчасти связано с тенденцией чрезмерно ранней узкой специализации. Она не подталкивает научного работника к расширению своего кругозора, к получению знаний и представлений, находящихся за границами его исследовательского «огорода», и, тем более, к повышению уровня общей культуры. Между тем, это представляется жизненно необходимым для формирования и развития личности подлинного ученого, особенно на ранних этапах научной карьеры, во всяком случае, в области социального и гуманитарного знания. На наш взгляд, замкнутость в узко профессиональных рамках и вообще несовместима с самой сутью социальных и гуманитарных наук. В них, в отличие от наук точных, естественных, с полной очевидностью проявляется то обстоятельство, что узкая общая образованность, интеллектуальная ограниченность человека, претендующего на роль ученого, как минимум, не способствует глубокому пониманию им даже «узких», частных исследовательских проблем и задач, и, в частности, формированию адекватных исследовательских гипотез, правильному выбору объекта и предмета исследования.

А помимо отсутствия психологической потребности в академической и более широкой общей свободе, существует и другой, еще более разрушительный для науки феномен.

Сознательное принятие статуса «ученых приказчиков» при чиновных «вельможах». В отличие от предыдущего варианта, здесь нет ни неполной осознанности выбора, ни какой-либо критической саморефлексии, а преобладает вполне сознательный, расчетливый сервилизм. Позиция весьма небезвыгодная в карьерном и материальном отношениях. Только за пределы науки она плоды трудов такого субъекта, да и его самого, выводит. И ущерб от профанации науки руками и устами подобных «прикормленных» псевдоученых очень велик.

Один из примеров – муссирование идеи «особого пути» России. Не углубляясь в данном случае в ее подробное обсуждение, замечу лишь, что оправдание настоящего через мифологизированное приукрашивание прошлого – довольно типичный вариант апологетики авторитарных режимов. В исторической науке оценка прошлого по политическим и моральным критериям настоящего даже имеет специальный термин – *презентизм*. В том же контексте можно рассматривать и идеи национальной исключительности. Так, в работах, посвященных Латинской Америке, приходилось читать в текстах, претендовавших на статус научных, и о чилийском «особом пути», и о перуанском «народе богоносце» и об аргентинской «ментальной державности», и даже об «уругвайской «всечеловечности»! Полагаю, приведенные мантры открывают широкое поле для иронических интеллектуальных упражнений. Однако, думаю, они и так достаточно красноречиво говорят сами за себя и потому в особых комментариях в контексте данной статьи не нуждаются. В общем же плане все это, с моей точки зрения, – симптом социального неблагополучия и отсутствия иных аргументов для его объяснения и оправдания негативов сегодняшнего дня.

В данной связи и в силу важности вопроса представляется необходимым особо подчеркнуть, что, помимо прочего, взгляд на отечественную историю с позиций якобы фатальной и непреодолимо зависимости настоящего от прошлого, предполагающий невозможность смены исторической «колеи», от нашей якобы извечной «рабской национальной политической ментальности», по меньшей мере, не вполне неадекватен даже чисто фактографически, поскольку немало ключевых событий и «перекрестков» российской истории отнюдь не вписываются в эту идеологическую конструкцию. Об этом немало написано [См., напр.: Оболонский 2002, Травин 2018, Травин 2021, Карацуба, Курукин, Соколов 2015]. И в то же время в прошлом большинства стран, представляющих как бы эталон демократического развития, несложно найти не только отдельные события, но и целые исторические периоды как минимум, не красящие их народы. И серьезные историки, как правило, весьма сбалансированно и самокритично описывают прошлое своих стран и регионов. Не углубляясь в данную проблематику, поскольку она не является предметом настоящей статьи, ограничимся мало известной, но весьма красноречивой цитатой из видного британского ученого, поэта и богослова ирландского происхождения Клайва Льюиса. «История любой страны кишит постыднейшими фактами... Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет или сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. Образ прошлого может укрепить нас и при этом не обманывать. Опасен этот образ ровно в той мере, в какой он подменяет серьезное историческое исследование» [Льюис 1992:248].

А в плане морально-психологическом сетования и ламентации по поводу нашей якобы исторической неудачливости и обреченности еще и оказывают деморализующее влияние на общественное сознание и настрой, подавляя в людях потенциал инициативности, подрывая мотивацию добиваться позитивных перемен. Не говоря уж о том, что в своих крайних проявлениях они вообще выглядят чем-то вроде комплекса национальной неполноценности, что выводит этот взгляд за пределы научного обсуждения. По сути, «особый путь» в такой версии представляет собой псевдонаучное обоснование непреодолимости авторитаризма. С теми «профессионалами-особистами», которые впрямую кормятся от мифа «особости», все более или менее понятно. Их деятельность представляет интерес не в научном, а совсем в иных аспектах, прежде всего в плане их социальной ответственности. С другими дело несколько сложнее. О них, в частности, следующий пункт.

Перестраховочная трусливость, прикрываемое наукообразием стремление под разными якобы научными предлогами уйти от описания и изучения базовых социальных и политических проблем объекта изучения в **мелкотемье**, к научно мало значимым и вторичным, по сути, частностям. Один из приемов подобной перестраховки – аргументы как бы

от лица «научной строгости», когда попытки опубликовать в научном журнале острые, критические по отношению к реальности тексты, отвергаются под предлогом их «публицистичности», эмпирической недоказанности утверждений и т. п. Однако на самом деле за ними, по моим наблюдениям, часто стоят мотивы, далекие от подлинных интересов науки как института по производству нового знания. И это – плодотворная почва для расцвета **квазинауки**. А в некоторых случаях это еще и мешает нормальному развитию новых научных направлений, их формированию в качестве полноценных отраслей науки. Что, к несчастью, порой приходится наблюдать даже в изданиях, по формальным – ВАКовским и цитатным – критериям, казалось бы, достаточно авторитетных. Конкретных примеров немало. Однако по этическим соображениям не хотелось бы никого специально «выделять». Поэтому не стану их называть. Замечу лишь, что лично сталкивался с подобным, в частности, в журнале, с которым много лет сотрудничал в качестве и регулярного автора, и члена редколлегии.

Самообман ценностной нейтральности. Я полагаю, что так называемый внеценностный подход (value free approach) в лучшем случае – добросовестный самообман исследователя. В социальных науках, в отличие от наук естественных, **ценностная позиция** исследователя и связанная с этим его определенная субъективность – неустранимый элемент познавательного процесса. Субъективность неизбежно присутствует и при выборе темы, и при формулировании научных гипотез, и при интерпретации результатов. Это данность, от которой не уйти. Другое дело, что ее влияние можно считать допустимым лишь на этапах выбора объекта исследования, разработки его концепции и программы, т. е. на начальных, а также на заключительных, аналитических его стадиях, но не на стадиях сбора и анализа материалов. Так, не думаю, что мои либерально демократические в своей основе убеждения наносят ущерб моим исследовательским занятиям. В каких-то случаях, надеюсь, даже способствуют приданию им дополнительной ценности в общеконцептуальном плане. Но, разумеется, лишь при соблюдении условий максимально доступной полноты и разносторонности собираемых и подлежащих анализу материалов, а также интеллектуальной честности по отношению к взглядам и фактам, не согласующим с собственной концепцией, а также ей противоречащим. Это относится и к естественным, и к социальным наукам.

Поэтому после завершения начальных стадий работы, ценности и убеждения исследователя, во избежание предвзятости, должны быть «заперты на ключ». Например, это представляется очень важным моментом в конкретной социологии, начиная от формулирования программных и вытекающих из них анкетных вопросов и до отбора анкетеров. Это необходимое условие научной достоверности исследования, отличающее его от псевдонаучных, тем или иным образом ангажированных штудий, которыми, в частности, отличаются опросы и выводы ряда наших политологических и социологических центров.

На неизбежность влияния человеческого фактора на любую интеллектуальную деятельность просто надо не закрывать глаза, а принимать это во внимание, учитывать и при необходимости ограничивать или даже элиминировать. Да и вообще я не считаю идейную индифферентность, идеологическую стерильность таким уж необходимым атрибутом «научности», объективности. Разумеется, убеждения, политические ориентации, а, тем более, эмоции, чувства не должны влиять на объективность в процессе научного анализа, особенно на его технологическую часть и стадию работы с материалом. Но полностью абстрагироваться от своих взглядов невозможно не только в политике, но и в науке, да и вообще в самых разных областях человеческой деятельности. Применительно же к науке достаточно вспомнить о факторе принадлежности исследователя к той или иной научной школе с верностью принятой в ней когнитивной парадигме, что налагает на его видение проблемы достаточно жесткие ограничения. Они как бы изначально заданы рамками конкретной области знания или, даже уже, научной дисциплины или личной концепции. Все это нельзя устранить. Да и вопрос –

нужно ли. Поэтому названные обстоятельства следует учитывать как данность, как неизбежность, притом, разумеется, не закрывая на них глаза. Именно так, по-моему, можно блокировать возможный вред от нашей имманентной субъективности, ценностной и концептуальной ангажированности. Так что позиция исследователя, заявляющего о своей якобы полной ценностной и эмоциональной отстраненности от социального или гуманитарного объекта изучения, о своем холодном (или даже «циничном») безразличии к результатам не вызывает особого доверия, а скорее даже представляется неким интеллектуальным лукавством или кокетством.

Факторы методологические

Подмена содержательных критериев оценки научной значимости работ сугубо формальными показателями. Я имею в виду доходящую почти до абсурда абсолютизацию таких критериев оценки труда ученого как публикационная активность, т. е. количество его статей в так называемых высокорейтинговых журналах, индекс цитируемости его работ, регулярность публикаций и т. п. Между тем обстоятельные исследования данного феномена показывают их, мягко говоря, ограниченную адекватность, а отчасти – и искажающий объективную картину характер [Рубинштейн 2019: 245–259; Рубинштейн, Городецкий 2018]. «Игра в цифирь» как инструмент управления наукой не слишком нужна как самим ученым, так и институту науки как таковому. Ибо профессионалы в любой из сфер областей науки, как правило, и так знают, «кто есть кто» в их сфере исследований. Формальные же показатели дают по видимости простую, но на самом деле обманчивую картину. В основном, они нужны тем, кто в самой науке слабо разбирается, но по должности или другим причинам нуждается в «простоте» и ясности. Прежде всего, чиновникам разных уровней. Им они действительно облегчают жизнь, и данным обстоятельством не следует совсем уж пренебрегать. Но вряд ли это должно быть едва ли не основным критерием оценки ценности научных исследований и работ конкретных исследователей. Цитируемость, трактуемая как измеритель эффективности науки, превратилась «в административную дубинку», которая не только ранжирует ученых по этому показателю, но и оценивает их вклад в научные разработки», искажает основания и критерии оценки научной значимости исследований. Неадекватность и негативные последствия этого в сфере гуманитарного знания обстоятельно проанализированы в работе коллектива философов [Идеи и числа... 2016: 59–60]. Да и в целом административное принятие якобы существующей прямой связи научной ценности публикаций с их цитированием, породило нарастающий поток некачественных работ, обусловив «ущерб реальной содержательной деятельности» [Мастепанов 2020: 5, Молини, Боденхаузен 2017, Рубинштейн, Бураков 2021].

Сказанное, разумеется, не означает отрицания практической полезности наукометрии как таковой. На мой взгляд, она имеет вполне определенную, хотя и ограниченную, инструментальную ценность и сферу применения. Но в нашей несовершенной реальности ее неоправданно широкое, повальное использование в качестве ведущего критерия оценки научных работ и исследователей породило такие негативные последствия, как понижение качества исследований, стимул (а для многих – и необходимость) стремиться не к глубине исследования, а к «валу» статей, продуцировало мелкотемье, нарастающий массив скороспелых, имеющих малую научную ценность публикаций.

Я уж не говорю о разного рода манипуляциях с искусственной «накачкой» рейтингов как журналов, так и подвизающихся на ниве науки морально нечистоплотных людей. А поскольку спрос рождает предложение, то появились многочисленные журналы, «обслуживающие» эту якобы объективную, но на самом деле далеко не адекватную, систему. Думаю, большинство из нас регулярно получает «заманчивые» предложения от разных, в лучшем

случае, сомнительных изданий. Повторюсь: она удобна прежде всего людям, от науки далеким, но желающим или уполномоченным оценивать ее эффективность. Что соответствует обозначенному в начале статьи тренду избыточной бюрократизации и формализации управления наукой.

Подобная работа на формальный «показатель», печально памятная людям старшего поколения еще по советским временам, уже однажды, на примере экономики СССР, продемонстрировала свою контрпродуктивность и в конечном счете стала одной из причин кризиса советской управленческой машины. И попытки ее воспроизведения в нынешних, существенно иных условиях, особенно применительно к такой области как наука, которая по самой своей сути содержит высокий уровень неопределенности, на мой взгляд, оказывают весьма негативное влияние на потенциал и перспективы ее полноценного развития. К тому же якобы произошедшее в результате формализации критериев оценки повышение управляемости наукой во многом иллюзорно, а то и просто вводит в заблуждение. Плата же за повсеместное внедрение этой управленческой модели, увы, немалая – ущерб социальным наукам как институту, призванному создавать знание, отвечающее реальным общественным интересам, а не подстраивать работу под конъюнктурные служебные нужды чиновничьего аппарата. Поэтому представляется естественным в целом отрицательное отношение большинства ученых, во всяком случае, в академической среде, к навязанной научным коллективам и сотрудникам стандартам оценки их труда, порождающим принципиально ущербные «правила игры».

Избыточные требования к стандартизации научных текстов по структуре и формату изложения, к их формальному единообразию. Вероятно, это имеет воспитательное и дисциплинирующее значение для исследователей, находящихся на ранних стадиях научной карьеры. Но как обязательный подход это представляется скорее вредным, чем полезным. Думается, что в таком творческом по своей сути виде интеллектуальной деятельности как наука, а тем более наука социальная, любая унификация, как минимум, не способствует привлечению и выдвижению людей с неординарным типом мышления и способами выражения мыслей. Стремление же их «построить», предъявляя, например, к подаваемым в журналы статьям универсальные требования по форме и структуре изложения материала, «выталкивает» за пределы научных изданий их размышления и тексты. На мой взгляд, это отражает один из пороков бюрократического сознания с его склонностью к упрощенческому, «плоскостному» видению вопросов, что имманентно чуждо подлинной науке. И экспансия подобного видения на науку неприемлемо и контрпродуктивно. Требования, справедливые по отношению к текстам, носящим правовой или административно управленческий характер и потому по своему назначению обладающим нормативной, инструктивной силой, вряд ли уместны по отношению к текстам научным, по природе своей творческим, свободным и, как правило, в той или иной мере дискуссионным.

Условие обязательности эмпирического доказательства каждого утверждения и научного суждения. Данное условие, видимо, более или менее адекватно по отношению к естественным и техническим наукам, но по отношению к наукам социальным и гуманитарным не представляется однозначно и тем более категорически необходимым. Это связано со спецификой социальных объектов как систем очень высокой сложности и многофакторности, со спецификой и ограничениями доступа к информации о них, с ее принципиальной неполнотой и довольно высокой вероятностью неполной достоверности информации, а также значительно более широкой, по сравнению с точными науками, возможностью различной, вплоть до альтернативной, интерпретации полученных данных. Вообще проблемы, связанные с эмпирическими данными, с отношением к ним, достаточно сложны и далеки от однозначного их толкования. Например, Карл Попер, полемизируя с идеями логического позити-

визма Венского кружка, предложил заменить критерий верификации суждения критерием принципиальной возможности его эмпирического опровержения, т. е. фальсифицируемости суждения. Это направление получило название постпозитивизма. И не случайно работы Нобелевских лауреатов 2021 года по экономике посвящены, в частности, «революции достоверности» (термин введен одним из лауреатов Джошуа Энгристом).

А рассматриваемое «принуждение к эмпиричности» ограничивает рамки научного поиска и суждения представляется ущербным как онтологически, так и эпистемологически. И ведет оно к серьезным содержательным потерям, ибо порой на подобном ложном основании с порога отвергаются суждения обобщающего, философского в широком смысле этого слов, характера как якобы публицистические и «ненаучные». Иными словами, в статусе «научности» отказывается суждениям и оценкам общего, концептуального характера лишь потому, что они впрямую и строго не верифицированы эмпирикой, хотя зачастую за ними стоят и глубокие размышления, и опыт. В этом отношении это требование аналогично по последствиям предыдущему из рассмотренных нами факторов. На мой взгляд, это имеет серьезные негативные последствия для адекватного аналитического осмысления социальных феноменов и процессов, работая тем самым на то понижение общественного авторитета социальных наук, которое мы, к сожалению, последнее время наблюдаем. В частности, подобные последствия влечет за собой непризнание научной корректности использования метода **включенного личного наблюдения** исследователя, что, например, в науках об управлении служит одним из важнейших источников получения достоверной информации.

Завышенные ожидания, связанные с перспективами развития «искусственного интеллекта», цифровизацией, big data и т. д. Этот, несомненно, позитивный и многообещающий тренд, как и любой сложный феномен, помимо несомненных и явных достоинств, имеет и определенные издержки и даже содержит потенциальные опасности. Как мы знаем из истории и самой науки, и из до конца непродуманных, «лихих» попыток внедрения ее результатов в практику, и из других областей жизни, чрезмерно оптимистические ожидания, в случае избыточности возлагаемых на явление надежд, парадоксальным образом могут оказаться в чем-то даже и контрпродуктивными. Как известно, такое нередко происходит, когда некое, в основе своей пусть даже самое прогрессивное, явление начинает рассматриваться как некая универсальная панацея, обязательная для немедленного внедрения, что в результате недостаточно квалифицированно, а то и кампанейски, происходит.

В качестве аналогии можно вспомнить хотя бы ажиотаж и последующее разочарование, связанные с приходом в социальные науки кибернетики в 60-е – 70-е годы. Тогда, после ее политической «реабилитации», последовали попытки тогдашних властей подменить радикальное реформирование уже очевидно неэффективной централистской модели государственного управления повсеместным внедрением системы АСУ. В итоге все это вылилось в профанацию и манипуляции, причем на всех уровнях управления, и обошлось государству примерно в 30 миллиардов тогдашних рублей. Можно привести немало и других, более свежих примеров как в науке, так и за ее пределами. Но это отвлекло бы нас от главной темы.

На мой взгляд, подобные упования на цифровую «волшебную палочку» отчасти носят иллюзорный характер. С моей точки зрения, они в лучшем случае представляют собой благонамеренный самообман, а на деле являются технократической попыткой ухода от базовых проблем и причин неблагополучия. В худшем же, имеющем, увы, небезосновательные, опасения варианте за этим видится попытка возродить над обществом тоталитарный контроль, но на новой, «прогрессивной», основе.

Дабы не быть неправильно понятым, еще раз подчеркну, что сказанное выше ни в какой мере не направлено против диджитализации общественных наук как таковой. Это было бы нелепо. В целом, развитие адекватных математических методов анализа социальных яв-

ления, формирование адекватной, честной статистики, различных сетей, баз данных и т. д. несомненно работает на прогресс науки. Речь о другом – о перекосах, о возникающих и, как мне кажется, недооцениваемых опасностях чрезмерным увлечением ими и понижением в результате этого внимания к другим, не менее важным, компонентам научного знания и оценки научных текстов. В частности, об определенной девальвации, как мне кажется, роли *эвристики, научной интуиции* исследователя, которая порой выводит мысль исследователя за пределы не только «цифири», но и даже рационального в узком смысле слова. К тому же и само понятие рациональности, как известно, неоднозначно в гносеологическом смысле. Например, французский философ Жак Маритен, рассуждая о рациональности применительно как раз к получению знания в социальной и гуманитарной областях – подразделяет ее на два вида – рациональность техническую и рациональность моральную [Маритен 2000: 59].

Полагаю, здесь уместно вспомнить знаменитую парадоксальную фразу Нильса Бора о теории, недостаточно безумной, чтобы быть истинной. Если отвлечься от ее иронической заостренности, то, мне кажется, ее смысл – подчеркнуть важность *интуитивного*, выходящего за пределы рационалистического, подхода к объекту научного исследования.

В итоге *соблазн формального наукообразия*, возникающий по совокупности названных моментов, представляет, с моей точки зрения, угрозу науке как институту, производящему *реальное* научное знание. Подобное *редукционистское, ограниченное, интеллектуально обедненное понимание науки* отсекает логический анализ и «абстрактные» рассуждения, которые чаще всего и дают самое важное приращение знания и выводят нас на более высокий уровень понимания социальных процессов. При этом как бы за рамками «подлинной» науки оказываются целые области и пласты общественно значимого социального и гуманитарного знания – социальной философии, теории политики, ряда гуманитарных наук.

Зато статус научности зачастую приобретают тексты, включая и статьи во вроде бы авторитетных журналах, на самом деле представляющие малую содержательную ценность, а то и просто пустые. Наукой они признаются во многом лишь благодаря наличию в них рядов «цифири» и колонок таблиц. Эвристическая же их ценность, причем не только в теоретическом, но и в прикладном, практическом отношении часто близка к нулю. К тому же они при этом иногда вытесняют из научных изданий работы содержательные, но не подкрепленные доказательствами в математизированных формах. Вопрос, кому это выгодно, пока оставим за рамками рассмотрения.

Последствия названных деформаций

Обо всем этом важно говорить и думать, поскольку негативные последствия и для качества научных работ, и для научных судеб конкретных исследователей, достаточно серьезны. Вопреки всем благостным официальным уверениям и формальным показателям, они видны невооруженным глазом. Конечно, это, к счастью, не исключает ни появления интересных, а, в отдельных случаях даже прорывных исследований, ни публикации их результатов. Однако происходит это скорее вопреки описанным факторам и тенденциям, а благодаря таланту, энтузиазму, преданности подлинным научным ценностям отдельных ученых и их групп, коллективов. Общий же тренд и его изложенные выше основные элементы, на мой взгляд, не вполне благоприятствуют полноценному развитию социальных наук, а в чем-то и работает на понижение их уровня.

Их кумулятивный негативный эффект, по моему мнению – определенная *девальвация фундаментальной науки* в социальной сфере исследований, *понижение ее репутации* и частичное вытеснение ее *научными симулякрами*. А любые индексы цитирования, и так называемая публикационная активность даже в лучшем случае могут лишь косвенно свидетельствовать о состоянии той или иной области науки, а порой и камуфлируют неблагополучие

чие. В некоторых же политически чувствительных областях это привело к неполной адекватности научного описания явлений и, как следствие, неполноценности их анализа. Более того, в некоторых случаях есть основания говорить даже о неполноценности научной дисциплины в целом.

Я понимаю, что изложенное может быть неприятно для многих коллег исследователей, вызывать у них протест и возражения. Мне самому сознавать и писать это было психологически непросто и даже травматично, поскольку посвятил занятиям социальной наукой основную часть жизни. Но именно поэтому считаю своим долгом поделиться с коллегами этими тревожными соображениями. Разумеется, они ни в какой мере не должны задевать многих прекрасных, умных, добросовестных ученых, плодотворно работающих в разных областях социального знания. Тем не менее проблемы, на мой взгляд, достаточно серьезны и закрывать на них глаза противоречило бы нашим общим интересам. И тут, как и во многих других отношениях, нельзя обойтись без человеческого фактора, без **сознания своей социальной ответственности самими учеными**, без морального отторжения ими роли «ученых приказчиков» даже при неблагоприятных ситуативных обстоятельствах, порой ценой даже личных карьерных и материальных потерь. Разумеется, принятие подобного рода решений – личный выбор каждого. Но на мой взгляд, это – очень существенная часть «морального контракта», заключаемого при вступлении на научную стезю.

В любом случае вряд ли можно избежать как периодически возникающих коллизий разного рода, так и сложностей, связанных с моральным выбором. И, конечно, делать выбор, условно говоря, «правильный», т. е. соответствующий как принципам научной и просто человеческой этики, так и личным интересам самого исследователя, и, в каких-то случаях, его пониманию общих интересов науки, гораздо легче и комфортней, если существуют адекватные институты, обеспечивающие ее функционирование как особой, специфической области человеческой деятельности. Независимость интеллектуальных, в частности, научных, суждений должна быть защищена институционально, с чем у нас, как известно и было показано выше, есть проблемы. Ибо при наличии полноценных институтов корпоративная этика ученых, как и представителей других творческих профессий, не допустит прямого вмешательства административного аппарата в профессиональные вопросы. Что, конечно, не исключает порой весьма нелицеприятных дискуссий и жестких публичных споров внутри самих интеллектуальных сообществ. Однако, уповая на перспективы совершенствования институтов, с моей точки зрения, представляется как минимум, не вполне морально полноценным избавлять себя от личной ответственности за поступки «здесь и сейчас». Ведь даже в условиях несовершенных институтов сохраняется возможность делать достойные и полезные вещи. И, с другой стороны, даже хорошие институты не гарантируют от совершения отдельными людьми поступков недобросовестных.

В заключение хотелось бы высказать надежду, что привлечение внимания к систематизированным в статье деформациям науки может сыграть определенную положительную роль.

Государственная служба... 2009. *Государственная служба: комплексный подход: история, политология, страноведение, оплата труда, реформы, право.* – М. Дело.

Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. 2015. *Выбирая свою историю.* – М. Corpus.

Макаренко В.П. 1985 *Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса.* – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета.

Маритен Ж. 2000. *Человек и государство.* – М.: Идея Пресс.

Мастепанов А.М. Публикационная активность в научных изданиях: отражение научных достижений или способ выбивать деньги – *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. – 2020. – № 9. – С. 189.

Молини А., Боденхаузен Д. 2017. Библиометрия как оружие массового цитирования. – *Вестник Российской академии наук*. – Т. 87. – № 1.

Льюис К. 1992. *Любовь. Страдание. Надежда. Притчи. Трактаты*. – М. Республика.

Оболонский А.В. 2002а. *Человек и власть*. – М. Наука.

Оболонский А.В. 2002б. *Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия*. – М. Дело.

Оболонский А.В. 2014. Кризис эффективности административно-бюрократического государства и поиски выхода: опыт США (эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия). – *Вопросы государственного и муниципального управления*. – № 2.

Оболонский А.В. 2019. Чиновник как социальное зло (патологии бюрократического сознания). – *Общественные науки и современность*. – № 1.

Рубинштейн А.Я. 2019. Не РИНЦем единым. – *Журнал НЭА*. – № 4(44). – С. 245–259.

Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. 2018. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ. – *Журнал институциональных исследований*. – Т. 10. – № 4.

Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. 2021. Экономические журналы в оптике наукометрии. – *Журнал НЭА*. – № 2(50).

Травин Д.Я. 2018. *«Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского..* – СПб.

Травин Д.Я. 2021. *Почему Россия отстала?* – СПб. Изд-во Европейского университета в СПб.

Crosier M. 1964. *The Phenomenon Bureaucratic*.

Ostrom V. 1973. *The Intellectual Crisis in American Public Administration*. – Tuscaloosa, London: The University of Alabama Press..